

Школа бывальского

Михаил БОГУСЛАВСКИЙ, ведущий научный сотрудник Института теории образования и педагогики РАО, член-корреспондент РАО

Константин СУМНИТЕЛЬНЫЙ, директор НОУ «Центр Монтессори», ответственный секретарь журнала «Лидеры образования», кандидат педагогических наук

О педагогических проблемах пишут в разных жанрах: катастрофическом, рекламном, взывающем к власти имущим или же бесхитростно рапортуящем, «как мы прекрасно живём и работаем в невыносимых условиях».

Задумывая цикл публицистических статей о самых острых проблемах современной школьной жизни, мы не страдали «мессианским комплексом». Сейчас в России равно трудно как чем-то напугать, так и предложить конструктивные новые подходы к решению жгучих вопросов. К сожалению, и понятие «правда» за последние годы существенно изменилось. Когда кто-то обещает сообщить её, то мы уже привычно ждём или «жуткой правды», после которой и жить-то не хочется, или же, что чаще бывает, откровенной «кривды». В результате сложилась ситуация, когда кажется, будто правду о нашей школе знают все. И она горькая. А потому заранее недоброжелательно относятся к тем, кто хочет и без того саднящую рану ещё растревожить. Всё это так. И всё же мы решились предложить своё понимание и объяснение того, что происходит в отечественном образовании. Сложнее было выбрать угол зрения, позицию и тон публикаций. Наиболее близким нам оказался «взгляд из учительской». Поспорив, мы обратились к известной литературной традиции и выбрали псевдоним. Не очень одиозный, но с подтекстом. Так появился на свет собрат Козьмы Пруткова – «Пётр Бывальский, педагог».

Придумав Петра Бывальского для первой нашей книги («Острые углы школьного стола» — М., 1999), мы хотели воссоздать позицию обыкновенного учителя. Благо каждый из нас побывал в этой роли и попробовал нелёгкий учительский хлеб. Для нас было важно, чтобы в позиции нашего героя не было ни позы, ни озлобленности той нелёгкой ситуацией, которая сложилась в российском образовании.

Бывальский — несколько отстранённый философ, не лишённый чувства юмора. Он любит наблюдать и анализировать, а потому готов увидеть всю сложность и неоднозначность процессов, происходящих в школе. Иногда ему не хватает информации, но этот недостаток с лихвой компенсируется тем, что его внимательный взгляд выхватывает главное из потока жизни.

Таков наш герой, от имени которого мы решили поделиться с читателем некоторыми своими мыслями. Но со временем оказалось, что Бывальский не только обростаёт подробностями личной и «производственной» жизни, но и постепенно приобретает независимое от нас существование. Поэтому авторы не могут, как Флобер, воскликнуть: «Мадам Бовари — это я!» Пётр Бывальский существенно отличается от каждого из нас. Иногда он слишком резковат в своих оценках, но, увы, «жизнь такова, какова она есть, и больше не какова». Нам дорог живой непосредственный взгляд Бывальского, поэтому мы, возможно, рискуя кого-то обидеть, оставили без редакции его суждения и мнения. Тем более что, как нам кажется, всё же наш герой остаётся достаточно корректным.

Школа между двумя правдами

В одну из московских школ по обмену приехали английские дети. Учителя постарались подготовить класс наилучшим образом. Парты расставили так, чтобы они хорошо освещались и с них было бы видно и слышно учителя. Англичане вошли в класс и тут же всё перевернули.

Парты были расставлены так, как было удобно **детям**. Шок ожидал учителей и во время уроков. Когда детям было интересно, они внимательно слушали, но как только учитель и то, что он рассказывал или показывал, становились им безразличны, дети начинали непринуждённый разговор с соседом по парте. Для англичан это не было признаком дурного поведения, а только констатацией того, что им неинтересно и не нужно то, что предлагается.

В этом частном эпизоде, как в зеркале, отразилось две правды о нашей школе. Мы и сами, давно почувствовав неладное, заговорили о школе сотрудничества. Конечно, мечта о прекрасном и равноправном партнёрстве учителей, детей и родителей — чистой воды идеализм. Но родилась эта мечта из желания развернуть нашу школу к детям, к учёту их индивидуальности и интересов, из желания **выстраивать отношения**, а не стену между детьми и взрослыми, между учителями и их учениками. Похоже, что западноевропейская школа начала этот путь раньше, но и сама ещё не прошла его до конца, встретив множество проблем, столкнувшись с целым рядом противоречий.

Наша школа советского образца была школой долга и достижений. И действительно, главным мотивом обучения была хорошая учёба на благо общества и советского государства. Было престижно и общественно значимо участвовать во всевозможных олимпиадах и побеждать в них. Но все правила игры устанавливались извне, и действия всех игроков находились в рамках жёсткой иерархии. Для учеников правила устанавливал учитель, для учителя директор и так далее. У этой школы был единственный противник — анархичная и даже имеющая криминальный уклон «улица». Сэтим собирательным образом остатков социального зла школа боролась совместно с милицией и органами опеки. Схема была ясна и внешне результативна, по крайней мере, в плане неотвратимости наказания.

Трансформация общества неизбежно должна была привести к трансформации школы. И она началась. Мы уже отчётливо представляем образ новой школы, которая должна родиться на обломках старой. Это гуманная, гуманитарная и демократичная школа, в которой всё образование должно развернуться лицом к ребёнку, учитывать его не как объект учебно-воспитательного процесса, а как равноправный с учителем субъект. Предполагается также, что в гуманитарных предметах центр тяжести будет перенесён с рассмотрения уже набивших оскомину символов, типа «луча света в тёмном царстве» или «образа лишнего человека», на значительные для современного человека события. Что все школьные предметы уйдут от мёртвых околонучных штампов и в них будет найдено что-то близкое каждому школьнику «по жизни». А уж демократизация предполагает наличие мнений более одного учительского или директорского и обсуждение этих мнений. Такая школа может появиться только одним способом: вылупившись из старой скорлупы, и она неизбежно должна пройти стадию «гадкого утенка».

Какой же видится мне школа сегодня и через её призму вся образовательная система России? Размышляя о настоящем и будущем нашего образования, всё очевиднее наталкиваюсь на, казалось бы, непреодолимое противоречие: существует две правды о том, как обстоят дела. Итрагизм заключается в том, что эти правды противоположны.

Вот первая правда. Сегодня, как никогда за последние десятилетия, высок престиж образования. Более того, нетрудно прогнозировать, что эта тенденция сохранится в будущем. Действительно, конкурсы в высшие учебные заведения сравнимы разве что с пиковыми — послевоенными. Десятки тысяч молодых людей, а главное, их родители готовы отдавать последние деньги, чтобы заплатить за обучение на коммерческой основе. Молодое поколение выбирает не только пепси, но и второе высшее образование и охотно овладевает дополнительными знаниями. При всей изматывающей перегрузке старшеклассники не только учатся по семь-восемь уроков в день, но ещё по несколько часов занимаются с репетиторами и на курсах. И это действительно массовое явление.

Прилавки книжных магазинов и лотков завалены разнообразной учебной литературой, а это самый верный показатель устойчивого спроса населения. Раз такие книги выпускаются значительными тиражами, значит, это кому-то нужно. Расходятся даже дорогие компьютерные учебники и диски с обучающими программами. И всё это действительно так. Как и то, что

различные выставки типа «Образование-2000» бьют рекорды посещаемости потенциальными абитуриентами и их родителями, очень основательно относящимися к выбору вуза.

Правда и то, что российские ученики по-прежнему среди победителей и призёров международных предметных олимпиад. Неоспоримо высок в мире престиж отечественного школьного физико-математического и естественнонаучного образования. Дети наших эмигрантов в США, Канаде, Новой Зеландии, Германии, овладев языком, сразу же благодаря знаниям, полученным в российской школе, опережают аборигенов — и это правда. Как и то, что школа остаётся сегодня последним островком стабильности в российском социуме, а учителя — пожалуй, единственной профессией, которой большинство населения доверяет самое дорогое — своих детей. И это правильно! Массовые общественно-педагогические движения и конкурсы федеральных экспериментальных площадок, «Учитель года», «Детский сад и школа года» убедительно свидетельствуют, что не иссяк ещё творческий порох в учительских пороховницах. Высекает ещё кресало о кремень яркий и чистый огонь учительского подвижничества.

Но куда не деться и от другой правды. Почти родная нам «улица», с которой общими силами мы худо-бедно справлялись, вдруг разрослась до невероятных размеров и принимает всё более опасные формы. Лавина информации постоянно напоминает об огромном количестве беспризорных детей — то ли 150 000 по данным Министерства образования, то ли 2 500 000 по сведениям МВД. Эти дети нигде не учатся, а часть и вообще никогда не ходили в школу. Мы постоянно встречаем их немые стайки на вокзалах, на станциях метро, в лесопарках — и это по-настоящему страшно.

Правда и то, что на нас надвигается вал детской и подростковой наркомании. Юные любители дурмана стали привычным, даже наскучившим, как осенний дождь, явлением. Во многих посёлках и на городских окраинах рвётся вверх кривая преступности несовершеннолетних. Давно никого не удивляют юные изверги, сбитые в подростковые группы, которые просто так, из-за грошовой наживы, калечат и убивают случайно подвернувшихся им людей.

Было бы наивным полагать, что в нездоровом обществе способна сохраниться стерильно здоровая школа. Но это не является поводом к отказу от начавшихся изменений, потому что система образования не может отвечать за все социальные проблемы, которые сотрясают наше общество. Главное, что настораживает, — государство никак не может выработать не то что реалистичную образовательную политику, но хотя бы последовательное отношение к уже имеющимся в нём тенденциям развития.

Гонки по вертикали

Учителя хорошо помнят, чем аукнулся призыв к бывшим областям и республикам России брать нужное им количество суверенитета. Сегодня актуален другой лозунг и обещано собирание земель русских. Новая административная реформа с назначением представителей президента в выделенных регионах сперва повергла всех в лёгкий шок. Комментаторы не скрывали растерянности. Думаю, что споры об этом шаге, а главное, о его эффективности не утихнут ещё довольно долго. Но учительство не может не тревожить, как очередная реформа отразится на судьбе школы.

Во время прошлых преобразований именно с началом раздачи суверенитета совпало странное явление. Деньги, направляемые на нужды образования из центра, с завидной регулярностью растворялись где-то на просторах суверенных республик и даже областей. Задолженность по зарплатам учителей росла как снежный ком, а учительскими деньгами региональные начальники исправно затыкали дыры в областных бюджетах, а иногда и просто их разворовывали. Общее ощущение того времени выразилось во фразе «трансферт проехал мимо». Казалось, что центр учёл ошибку: трансферты стали целевыми. Их можно было тратить только на образование, но это не помогло ни педагогам, ни деньгам. Местная власть всё равно исхитрялась пронести каравай мимо изголодавшегося учительского рта. Доведённые до отчаянья педагоги откликнулись массовыми забастовками и даже голодовками, некоторые

закончились трагически. Сегодня это подзабылось, но общий вывод, сделанный тогда, учительство хорошо помнит. Педагогам дали понять, что для них в большинстве регионов власть — злая мачеха, которая сладко кормит своих детей, а школе-падчерице изредка бросает чёрствую корку.

Именно поэтому у учительства есть повод воспринимать происходящую административную реформу с энтузиазмом. Пока кажется, что задуманное укрепление центральной власти позволит укрепить вертикаль управления образованием и вернуть школе заботу государства. Надежда на доброго барина из центра неистребима. Увидев в федеральных органах власти своего единственного защитника, учительство оказалось подготовлено к централизации всей системы образования и мечтает о том, что каждая, даже самая маленькая сельская школа перейдёт в прямое федеральное подчинение. Мечты эти, конечно же, наивны. Но кроме грёз о полной защищённости и своевременной помощи, а также слёз по поводу пока не до всех регионов дошедших денег есть и ещё один немаловажный вопрос.

Известно, что в прошедшее десятилетие республиканские и краевые управления образованием творили кто во что горазд. Были созданы учебные планы, в которых существенное место занимает региональный компонент, введены десятки предметов, курсов, факультативов, в которых, так или иначе, отражалась местная тематика. Плохо это или хорошо? Однозначно не ответишь. Бесспорно, замечательно, что школьник наконец-то стал узнавать не только о дальних странах, но и о своей малой родине. О её культуре, традициях, замечательных людях: героях, подвижниках и святых. Правомерно и то, что старшие классы школ разворачивались на предпрофессиональную подготовку по специальностям, реально необходимым в данной местности. Так, порою довольно эффективно школа вносила свой вклад в решение проблемы безработицы, которая для многих городов стала уже хронической. Словом, вроде бы многое пошло на пользу. Но ведь совершенно очевидно и другое. О едином образовательном пространстве, о котором так страстно и убеждённо говорили несколько лет назад, никто теперь и не вспоминает. Это симптоматично, потому что оно давно превратилось в фантом. С другой стороны, очевидно и то, что многие нормативные акты в сфере образования, принятые в регионах и в национальных республиках, находятся в противоречии с федеральными. Причём это очень интересное противоречие. Оно в том, что местные документы порою лучше и совершеннее, чем соответствующие нормативы федерального министерства. Будет ли это хоть как-то соотнесено и в пользу какого варианта будет сделан выбор? Впрочем, вопрос об оправданности региональных компонентов отнюдь не прост. Дело не только в том, что увеличивается и без того запредельная учебная перегрузка. Происходит опасный перекосяк, когда в угоду региональному компоненту общая картина искажается до неузнаваемости. Например, на изучение литературы Дальнего Востока отдаётся больше часов, чем на всю русскую литературу.

И всё же чего ждать учительству? Как всегда, есть два варианта и в каждом варианте — основания как для оптимизма, так и для пессимизма. Спор вечных антагонистов мог бы выглядеть так.

Оптимист. Всё получится! Вакханалия власти прекратится, губернаторы подчинятся «сильной руке» и строем пойдут в светлое будущее великой России. Тогда-то мы и вспомним о едином образовательном пространстве. Образование удастся унифицировать сначала в семи созданных округах, а затем и во всей России. Это позволит ввести общие образовательные стандарты и успешно внедрить единый государственный экзамен для выпускников всех школ.

Пессимист. Скорее всего руководители образования в регионах возьмут под козырёк и по традиции начнут «строить» всю подчинённую вертикаль вплоть до первоклашек. И хотя с демократизацией школы есть пережёлты и полно смешных недоразумений, но, борясь с ними, школу опять сделают унылой казармой. Пострадают как раз самые яркие и инициативные руководители образования, которые попытаются защитить то, что относят к своим несомненным победам. Впрочем, стоит ли беспокоиться? Скорее всего административная реформа захлебнётся, наткнувшись на саботаж региональных элит.

Оптимист. В таком случае сохранится существующее положение и учительство не по-

страдает.

Пессимист. В том-то и дело, что вяло текущая борьба с перетягиванием одеяла от центра к регионам и обратно может сломать достигнутое хрупкое равновесие. Известно же: паны дерутся, а простому человеку худо приходится.

Однако, как бы теперь ни развивались события, решение принято и остаётся ждать, что же оно принесёт стране и её школе. Последнее десятилетие научило нас надеяться на лучшее, потому что нельзя жить без надежды, но готовиться к худшему, потому что иначе трудно выжить.

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ